

пониживъ голосъ, еще чаще оглядываясь на дверь. Корневъ отошелъ къ окну. Около окна сидѣлъ уже другой судебный слѣдователь Пуховъ и жадно вдыхалъ свѣжій воздухъ. Совсѣмъ пьяный помощникъ исправника съ грязнымъ небритымъ лицомъ и черными нахальными глазами сидѣлъ рядомъ съ нимъ и не то бранилъ, не то убѣждалъ въ чемъ-то.

— Да вѣдь ты, животное, любишь ее?

— Лю-юблю, — мычалъ Пуховъ въ отвѣтъ, улыбаясь пьяной, добродушной улыбкой.

— Предложеніе дѣлалъ?

— Н-нѣтъ еще.

— И не сдѣлаешь! потому что — баба.

— Кто? я? Сдѣлаю, — оживился вдругъ Пуховъ.

— Гдѣ тебѣ! у тебя языкъ не поворотится!

— Сейчасъ сдѣлаю! — разгорячился Пуховъ.

Онъ поправилъ рѣдкіе волосы, передвинулъ пенснэ и колеблющимися шагами направился въ сосѣдную комнату.

— Пуховъ идетъ предложеніе дѣлать! Господа! идемте смотрѣть, — зашепталъ помощникъ исправника, бѣгая по залу и дергая всѣхъ за рукава.

Всѣ подвинулись къ дверямъ.

Около стола съ орѣхами и сладостями сидѣла толстая барыня, ѣхавшая на одномъ пароходѣ съ Корневымъ, и ея дочка, милостивая молодая дѣвушка, много общавшая въ будущемъ со стороны полноты. Пуховъ подошелъ къ нимъ, слегка перегнулся впередъ и поднялъ руку кверху.

— Марья Андреевна! я васъ люблю и предлагаю вамъ руку и сердце. Хотите?

Губы его развѣхались въ добродушную улыбку. Помощникъ исправника громко захохоталъ. Дочка вспыхнула, какъ огонь. Мать въ недоумѣніи посмотрѣла на Пухова, побагровѣла и тяжело приподнялась съ мѣста, держа дочь за руку.

— Вы — невѣжа, милостивый государь! Да! болѣе чѣмъ невѣжа! — отчеканила она, гнѣвно сверкая заплаканными глазами.

Пуховъ растерялся и закрылъ лицо руками.

— Анна Ивановна! какъ честный человѣкъ, серьезно! — бормоталъ онъ.

Мать и дочь, не слушая извиненій хозяевъ, медленно выплыли въ переднюю.

— Ушли, — дернулъ Пухова за плечо помощникъ исправника.

Пуховъ оттолкнулъ его и безъ шляпы выбѣжалъ на улицу.